
«СПОР ИСТОРИКОВ» В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. В. Рулинский

Летом 1986 г. в Германии разгорелся так называемый «спор историков» (Historikerstreit). В нём участвовали две группы: во главе одной из них стоял профессор Свободного университета Западного Берлина Эрнст Нольт; лидером другой группы мыслителей был философ, один из теоретиков Франкфуртской школы Юрген Хабермас.

Трудно переоценить значение этой дискуссии для всей Западной, а затем и единой Германии. В рамках спора «речь шла о политическом будущем ФРГ, о её внутреннем состоянии и внешнеполитических ориентирах»¹, — пишет профессор Марбургского университета, один из ведущих исследователей «спора историков» Р. Кюнль. Ключевой проблемой спора стало отношение к нацистскому прошлому. «Спор историков» вынес на повестку дня целый ряд вопросов: следует ли считать преступления нацистов беспрецедентными, являлось ли утверждение нацизма следствием внутригерманского развития или стало результатом действия внешних сил, стоит ли проводить сравнения нацистских преступлений и других злодеяний XX в., должны ли потомки палачей нести ответственность за содеянное их предками? Это был «спор о значении национал-социалистического прошлого для настоящего федеративной республики»², как коротко обозначил суть вопроса профессор Йорн Рюсен.

За научным противостоянием скрывалось глубокое идеологическое столкновение. Историки, которых условно можно объединить вокруг фигуры Эрнста Нольте, считали недопустимым унижение национального величия и старались не акцентировать внимание на ошибках прошлого. Другие, условно объединённые вокруг фигуры Юргена Хабермаса, напротив, полагали необходимым правдиво рассказывать обо всех преступлениях предшествующих поколений, видя в выявлении этих преступлений залог для утверждения нормального будущего страны.

Позиция первой группы историков соответствовала в общих чертах традиционному ревизионистскому подходу в немецкой историографии. Суть этого подхода, по мнению Р. Кюнля, можно представить тремя основными взаимодополняющими тезисами: во-первых, преступления нацизма были не столь велики, как представляется, и они мало чем отличаются от преступлений в других странах; во-вторых, не все действия нацистов следует представлять как преступления, поскольку часть их политики служила благим делам; в-третьих, откровенные преступления нацистов были обусловлены такими обстоятельствами и причинно-следственными связями, что истинными виновниками преступлений предстают другие люди (партии, организации, страны) (С. 212).

Позиция Юргена Хабермаса и его сторонников заключалась в обратном. Они выступили преемниками идей К. Ясперса, Т. Адорно, Х. Арндт о необходимости

трезвого осмысления и преодоления нацистского прошлого. Точку зрения этой группы историков можно представить следующими тезисами. Во-первых, преступления нацизма были беспрецедентны, а значит, они требуют к себе особого отношения; во-вторых, винить в преступлениях нацизма нужно не только правящие круги или лично Гитлера, ответственность за нацизм лежит на каждом человеке, так или иначе участвовавшем в его преступлениях, а коллективная ответственность лежит на всех потомках живших в то время людей; в-третьих, поражение Германии во Второй мировой войне стало освобождением страны и Европы, только благодаря которому возможно политическое и национальное будущее Германии.

Дискуссия началась не в узкопрофессиональных исторических журналах, а на страницах ведущих периодических изданий, почему и приобрела сразу остро политический подтекст. Большой резонанс «спор историков» получил не только в Германии, но и за рубежом, в частности, в США. Остроту спору придавала разгоревшаяся ещё в начале 80-х идеологическая и политическая борьба, связанная с немецким прошлым. После прихода к власти в 1982 г. канцлера Гельмута Коля в политических верхах ФРГ была поставлена задача достижения Германией ведущей роли в европейской экономике и политике³, а также в европейской системе безопасности. Однако в правящих кругах признавалось, что на этом пути есть очевидные препятствия, и одно из главных — постоянно довлеющее воспоминание о преступлениях нацизма. Именно этот фактор мешал возрождению идеи о национальном величии, без которой невозможно претендовать на первенствующие позиции в международных отношениях. В результате в ведомстве канцлера пришли к выводу, что историческое сознание с акцентом на чувстве вины не принесёт пользы Германии, следовательно, от него постепенно нужно будет отказаться. Место одного подхода должен был занять другой подход к историческим событиям. Его сформулировал один из основных идеологов команды Г. Коля, советник канцлера Михаэль Штюрмер. По его словам, ФРГ нуждается в таких смыслах, «которые после религии до этого могли обеспечить только нация и патриотизм» (С. 219). Фактически речь шла о придании истории статуса эрзаца религии, и именно верное (а главное — единое) представление об истории должно было лечь в основу мировоззрения жителей ФРГ и определить национальную идентичность немцев.

Для реализации этой задачи в Бонне было запланировано открытие целого ряда памятников и музеев, призванных в нужном свете представить события немецкой истории, в ряде немецких городов устроили выставки, ставившие задачей напомнить о давних положительных примерах-прообразах национальной идентичности. В 1983 г. в Берлине был организован конгресс, посвящённый 50-й годовщине назначения Гитлера на пост рейхсканцлера. С высокой трибуны в здании ведомства канцлера бывший министр культуры земли Северный Рейн-Вестфалия, профессор Херман Люббе заявил о «всеобщем замалчивании нацистского прошлого как гражданской обязанности». Единственным и главным идеологическим врагом Германии Люббе объявил антифашизм, нацеленный на поддержание в немцах сознания вины за преступления нацизма и готовности возместить убытки пострадавшим.

Большое значение имела и другая годовщина — 8 мая 1985 г. — окончание для Германии Второй мировой войны. Одна из ведущих немецких газет «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» предложила не праздновать этот день, поскольку, по мнению редакции, повод для празднования имел «только Советский Союз»⁴. Ещё более резко высказалась редакция печатного органа ХСС «Байернкурьер», которая посчитала идею празднования этого события «кошунственной и унижительной» (С. 221).

Одним из самых сильных катализаторов «спора историков» стало посещение немецкого мемориала Битбург в мае 1985 г. американским президентом Р. Рейганом и канцлером ФРГ Г. Колем. Изначально президент США планировал посетить мемориал в концентрационном лагере Берген-Бельзен, где от рук нацистов погибло около 70 тыс. человек. Однако затем, по просьбе канцлера ФРГ, Р. Рейган принял решение в один день, вместе с Г. Колем, посетить не только концлагерь, но и почтить память военнослужащих Вермахта и СС на массовом захоронении в Битбурге. По мысли идеологов правительства ФРГ, совместное посещение мемориала в Битбурге на высшем уровне в 40-ю годовщину капитуляции Германии должно было поставить точку в процессе проработки немецкого прошлого и акцентировать внимание на прозападной ориентации ФРГ в противостоянии с коммунистическим блоком. Многие в Германии стремились представить победу сил антигитлеровской коалиции как предательство интересов демократии перед лицом восточной угрозы со стороны большевизма, при этом подвергалась сомнению моральная ответственность Германии за нацистское прошлое. Фактически речь шла об оправдании гитлеризма.

Однако, как выяснилось, далеко не все лидеры ФРГ поддерживали такой ревизионистский подход к истории. 8 мая 1985 г. с трибуны Бундестага выступил президент Федеративной Республики Германия Рихард фон Вайцзеккер. Его речь произвела эффект разорвавшейся бомбы: настолько сильное впечатление и влияние на сознание немцев оказало выступление федерального президента. «8 мая было днём освобождения», — провозгласил свой главный тезис фон Вайцзеккер. «Он освободил нас всех от системы национал-социалистической тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания свалились на многих людей 8 мая и продолжились после него. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания, зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в её начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г.»⁵, — отметил федеральный президент. Выступление Р. Вайцзеккера многими СМИ и политиками (в том числе однопартийцами президента по ХДС) было встречено в штыки и до предела накалило обстановку вокруг вопроса об отношении к нацизму. На этом фоне в июне 1986 г. и начался «спор историков».

Основная дискуссия развернулась после публикации статьи историка Эрнста Нольте в газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». Профессор истории Свободного университета Западного Берлина Эрнст Нольте в статье «Прошлое, которое не хочет проходить» («Vergangenheit, die nicht vergehen will») подчёркивал, что не стоит преувеличивать значение массовых убийств евреев: преступления нацистов теряют свою уникальность на фоне более широкого спектра преступлений

XX столетия: к примеру, Гражданской войны в России, коллективизации и красного террора. Именно коммунистический режим, по мнению Э. Нольте, стал своеобразным прологом к политике национал-социализма. Единственным новаторством нацистов стало убийство неугодных режиму в газовых камерах: всё остальное Гитлер мог заимствовать из России, подчёркивал Э. Нольте. «Может быть, национал-социалисты, Гитлер прибегли к “азиатским злодеяниям” лишь потому, что считали себя и себе подобных потенциальными или реальными жертвами таких же “азиатских злодеяний”, осуществляемых другими?.. Разве Архипелаг ГУЛАГ не был более оригинален, чем Освенцим? Разве большевистские “убийства из классовых соображений” не были логическим и фактическим прологом нацистских “убийств из расовых соображений”?»⁶ — задавался вопросами Э. Нольте. Одним словом, тоталитаризм, по мнению историка, появился в России, а его утверждение в Германии лишь отражало общетоталитарную тенденцию и было ответом на тогдашние вызовы.

Более того, немецкий историк и его сторонники утверждали, что преступления нацизма по отношению к евреям явились следствием объявления войны Гитлеру со стороны еврейских организаций, а война против СССР носила оборонительный характер, так как велась на территории «Третьего рейха»⁷. Тезис об объявлении войны Германии со стороны евреев был предложен Эрнстом Нольте ещё накануне «спора историков», в его работе «Между мифом и ревизионизмом». В качестве аргумента историк использовал письмо президента Всемирной сионистской организации Хайма Вейцмана премьер-министру Великобритании Невиллу Чемберлену, написанное накануне вторжения Гитлера в Польшу⁸. На основании этого письма, а также интерпретации, данной английским писателем Дэвидом Ирвингом, Эрнст Нольте сделал вывод о том, что у Гитлера были основания считать евреев своими противниками, желающими уничтожить нацистский режим. Исходя из этого «объявления войны», Э. Нольте признал оправданными депортации и отношение к находившимся на территории Германии евреям как к военнопленным⁹.

Близкие Нольте взгляды высказал и другой историк, профессор Кёльнского университета Андреас Хильгрубер. В 1986 г., ещё до статьи Э. Нольте, в газете «Вельт» была опубликована серия статей Хильгрубера, вскоре вышедшая в виде брошюры «Двойной закат. Крах германского рейха и конец европейского еврейства». В ней историк подчёркивал самоотверженность немецкой армии, которая «спасала население рейха» от «большевистского потопа». Хильгрубер считал, что поражение нацизма было равнозначно поражению Европы¹⁰. Аргументация историка основывалась на том, что именно Германия со дня основания Немецкой империи в 1871 г. выполняла ключевую системообразующую функцию на европейском континенте, выступая в роли «посредника между Балтикой и Чёрным морем» (С. 227). Распад, разделение Пруссии в результате Второй мировой войны означали, по мнению учёного, утрату ключевого, центрального элемента в европейском порядке. Именно Германия, сражаясь против Советского Союза, в отличие от западных держав-союзников, представляла вплоть до 1945 г. интересы Европы, отмечал А. Хильгрубер.

Аргументация Э. Нольте и А. Хильгрубера зиждилась на утверждениях, не вызывавших доверия у большинства профессиональных историков. «Они использовали аргументы, которые несколько десятилетий назад впервые представили неонацисты... и которые до сих пор отвергала профессиональная наука» (С. 265), — говорит один из ведущих исследователей «спора историков» Р. Кюнль. В числе таких аргументов — «превентивная война» против Советского Союза в 1941 г., защита от «большевистского потопа», стремление переложить ответственность за все преступления на коммунистический режим СССР и пр. По сути, позиция Э. Нольте и его сторонников сводилась к тому, что Третий рейх имел правильное представление о враге, вёл правильную войну и в целом представлял общеевропейские интересы, в отличие от других стран Запада, которые сделали ставку на сотрудничество с коммунистическим режимом (С. 266).

Хотя высказанные точки зрения шли вразрез с представлениями многих ведущих историков, около месяца в печати не появлялось ответа на эти заявления. Лишь в июле 1986 г. в газете «Ди Цайт» философ Юрген Хабермас опубликовал статью с подзаголовком «Апологетические тенденции в германской историографии новейшего времени», в которой подверг критике высказывания А. Хильгрубера, Э. Нольте и их сторонников, по сути обвинив их в стремлении оправдать действия нацистов.

Философ говорит о том, что в позиции А. Хильгрубера просматривается желание представить А. Гитлера единственным ответственным за Холокост. При этом историк, как отмечает Ю. Хабермас, не желает замечать того обстоятельства, что «окончательное решение» еврейского вопроса было не только прихотью одного человека, но производилось с согласия большинства населения.

Разбирая статью Э. Нольте в «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» от 6 июня 1986 г., Ю. Хабермас подвергает критике позицию его оппонента, согласно которой единственным новаторством нацистов были газовые камеры, а «архипелаг ГУЛАГ» был раньше («ursprünglicher») Освенцима. Обобщая воззрения Э. Нольте, Ю. Хабермас говорит, что его оппонент придерживается двух основных установок: во-первых, «нацистские преступления теряют свою уникальность, представляя по крайней мере объяснимым ответом на... угрозы уничтожения со стороны большевиков». Во-вторых, «Освенцим сводится к формату технической инновации и объясняется “азиатской угрозой” врага, который всё ещё при дверях»¹¹.

Ю. Хабермас считает опасной такую позицию и предлагает разграничить «понимание и осуждение шокирующего прошлого» (С. 48). По его мнению, необходим метод «исторического дистанцирования от прошлого, которое не хочет проходить» (С. 48). «Этот исторический подход, в отличие от ревизионизма Хильгрубера или Нольте... был бы основан не на желании освободиться от долгов прошлого» (С. 48).

Историческая парадигма, предлагаемая оппонентами Ю. Хабермаса, основана на желании «взять на вооружение ревизионистскую историю для национально-исторического воскрешения традиционной идентичности» (С. 48–49). Всё это предполагает серьёзное ограничение научной дискуссии: «Те, кто стремится к возрождению идентичности, естественным образом укоренённой в национальном созна-

---

нии, и руководствуется императивами предсказуемости, достижения консенсуса и социальной интеграции путём создания смыслов (“Sinnstiftung”), должны опасаться просветительской функции историографии и отказаться от такой ценности, как плюрализм в интерпретации истории» (С. 49), — утверждает Ю. Хабермас. Другими словами, он выступает против любых, даже проникнутых благими намерениями, попыток искусственно сформировать «правильное» отношение к прошлому. В этой связи Ю. Хабермас не случайно вспоминает о статье М. Штюрмера, в которой он «выступает за унифицированное¹² историческое представление, способное гарантировать социальную интеграцию и идентичность» (С. 49), сопоставимую по своему объединяющему потенциалу с религиозной верой. «Историческое сознание как эрзац религии — <...> разве это не чересчур?» (С. 49) — задаётся вопросом Ю. Хабермас.

Он открыто выступает против навязывания «исторической картины, сформированной правительственными историками» (С. 50) и одновременно поддерживает развитие плюрализма исторических прочтений как отражения «структуры открытого общества». Такой плюрализм открывает возможности более чётко выявить национально-образующие исторические традиции «во всей их противоречивости» (С. 50), убеждён мыслитель.

Ю. Хабермас считает крайне важным послевоенным достижением «безоговорочную открытость Германии к политической культуре Запада». Это результат, которым, по мнению теоретика Франкфуртской школы, может гордиться его поколение. Причём произошло это «открытие» благодаря «преодолению идеологии центра, которую снова продвигают наши ревизионисты с их геополитической шумихой о «древнем европейском срединном положении Германии» (Штюрмер) и «возрождении разрушенного европейского центра» (Хильгрубер)» (С. 50). «Единственным патриотизмом, который не отчуждает нас от Запада, — утверждает Ю. Хабермас, — является конституционный патриотизм» (С. 50) (Verfassungspatriotismus) как реальная альтернатива ревизионистским попыткам возвеличивания немецкой идентичности в ущерб другим народам. Утверждение такого вида патриотизма является одним из следствий преодоления нацистского режима: «Укоренённая в убеждениях людей приверженность универсальным конституционным принципам, к сожалению, смогла впервые сформироваться <...> лишь после — и через — Освенцим».

В этой связи Ю. Хабермас подчёркивает, что он считает контрпродуктивными любые попытки подвергнуть сомнению ответственность Германии за преступления нацизма. «Кто с помощью общих фраз про “одержимость виной” (Штюрмер и Оппенгеймер) хочет вызвать у нас краску стыда <...>, кто хочет вернуть немцев к традиционной форме их национальной идентичности, разрушает единственное надёжное основание нашей связи с Западом» (С. 50), — такими словами завершается статья Ю. Хабермаса.

Позиция мыслителя встретила непонимание со стороны оппонентов. «Мутной смесью политики и науки, мировоззренческих и исторических размышлений, предубеждений и фактов» (С. 56) назвал статью Ю. Хабермаса Клаус Хильдебранд. В своих оценках он не скупился на резкие высказывания, то подозревая своего

оппонента в «недостаточной компетентности» (С. 58), то в «недоверии к ходу исторических исследований» (С. 58). Так же, как его соратник по спору Андреас Хильгрубер, К. Хильдебранд считает неуместным «видеть в окончании войны в мае 1945 г. только освобождение» (С. 59). Он говорит о различных параллелях между советским и нацистским режимами, оценивает послевоенную деятельность союзников в Германии как направленную в основном на достижение собственных целей. В итоге, историк приходит к выводу, что «тоталитаризм, геноцид и массовые изгнания — это почерк двадцатого столетия» (С. 60). Говоря же о Ю. Хабермаса, историк язвительно замечает, что «ему лучше было бы молчать — *philosophus mansisses*» (С. 61) (оставаясь философом — лат.).

Подобную точку зрения высказал другой участник спора историков — Андреас Хильгрубер, который, прежде всего, увидел в заявлениях Ю. Хабермаса политическую мотивировку, а не стремление к научной достоверности: «Его обвинения являются не столько научно обоснованными, сколько политически мотивированными» (С. 131), — отметил А. Хильгрубер.

Но далеко не все историки были на стороне Хильгрубера, Нольте и Хильдебранда. В поддержку Юргена Хабермаса выступил один из ведущих немецких историков, профессор Бохумского университета Ханс Моммзен. В своей статье в журнале «Меркур» за сентябрь–октябрь 1986 г. он обвинил Эрнста Нольте и его соратников в «исторической релятивизации» (С. 83) нацистского режима, а также подверг критике ссылки своих оппонентов на «азиатские злодеяния» как оправдания преступлений немцев. Прежде всего, Х. Моммзен видит в этой риторике Э. Нольте стремление избавиться от «конкретной политической ответственности» (С. 83) за ранее совершённые ошибки. Оправдывая депортации евреев и принижая значение Освенцима, Э. Нольте ещё раньше среди ряда экспертов заслужил репутацию «обычного немецкого националиста» (С. 83), напоминает Х. Моммзен.

Что же касается сторонников Э. Нольте К. Хильдебранда и М. Штюрмера, то в их выступлениях Х. Моммзен также отмечает неприемлемые оценки. В частности, речь идёт о попытках К. Хильдебранда отвергнуть «ранее прочно утверждённую беспрецедентность национал-социализма» (С. 83–84) и поддержке М. Штюрмером позиции социолога Франца Оппенгеймера, призывавшего немцев избавиться от неприятного балласта своего прошлого и выступить против «коллективной одержимости виной» (С. 84).

На стороне Ю. Хабермаса выступил и другой известный немецкий историк, в то время профессор университета Билефельда Юрген Кокка. Его статья, вышедшая в сентябре 1986 г. под названием «Гитлер не должен быть вытеснен Сталиным и Пол Потом», содержала говорящий сам за себя подзаголовок: «О попытках немецких историков поставить под сомнение чудовищность нацистских преступлений». Прежде всего, Ю. Кокка имеет в виду Эрнста Нольте. Анализируя его сопоставления нацистских преступлений с бесчеловечными действиями в других странах, Ю. Кокка подчёркивает стремление Э. Нольте разрушить представление о беспрецедентности уничтожения евреев в Германии с помощью ссылок на геноцид армян со стороны турок, массовые убийства в Советской России, преступления режима

Пол Пота в Камбодже. В ответ на это Ю. Кокка приводит различные аргументы, подчёркивающие уникальность происходивших в Германии событий, и приходит к выводу, что «беспрецедентность немецкой ситуации не должна быть вытеснена сравнением со Сталиным и Пол Потом» (С. 89). Ю. Кокка отмечает, что, для того чтобы понять причины, характер и последствия утверждения национал-социализма, более оправданно сопоставлять положение Веймарской Германии и Германии при Гитлере с ситуацией в современных им Франции и Англии, а отнюдь не сравнивать нацистский режим с режимами в Камбодже или Уганде.

Вызывают вопросы у Ю. Кокка и другие тезисы Э. Нольте, в частности, его попытки представить разрушительную политику нацистов в качестве своего рода реакции на внешние угрозы: со стороны СССР и мирового еврейского конгресса. «Истинные причины антисемитизма в Германии нельзя найти ни в России, ни в еврейском мировом конгрессе», — подчёркивает Ю. Кокка. Утверждение о внешних угрозах не выдерживает критики с исторической точки зрения: «Как можно в свете фактов воспринимать уничтожение евреев нацистами как... средство защиты против угрожающего уничтожения со стороны Советского Союза, с которым до 1941 г. был заключён пакт и который затем был атакован?» (С. 89) — задаётся вопросом Ю. Кокка.

В конце октября 1986 г. в газете «Ди Цайт» вышла ответная статья Эрнста Нольте. Эту статью историк назвал «С ног на голову» («Die Sache auf den Kopf gestellt»), имея в виду упрёки оппонентов по спору, которые, по его мнению, неверно интерпретировали его слова. Для разъяснения своих слов Э. Нольте ещё раз решил остановиться на ключевых тезисах, вызвавших нарекания в академической среде. Так, Э. Нольте отметил, что «Освенцим не был прямым ответом на архипелаг ГУЛАГ» (С. 128), а стал ответом посредством интерпретации большевистского опыта. Причём Э. Нольте подчёркивает, что о неправильности этой интерпретации он ранее говорил неоднократно. В то же время историк не желает до конца отказываться от своего тезиса: «Архипелаг ГУЛАГ уже потому был “раньше” Освенцима, что он стоял перед глазами инициаторов Освенцима» (С. 128), а не наоборот, объясняет Э. Нольте.

Ю. Хабермас в ответной статье («О приложении истории к общественной жизни») развивает другую тему — связи «спора историков» и вопросов, поставленных Карлом Ясперсом сразу после войны в его фундаментальной работе «Вопрос о вине» (Schuldfrage). В этой статье мыслитель как бы подводит основной итог начавшейся дискуссии. «Спустя 40 лет вновь, в другой форме, разгорелась дискуссия, которую, хотя и с трудом, Ясперсу в своё время удалось разрешить»¹³, — отмечает Ю. Хабермас. «Может ли наступить правопреемство по отношению к Третьему рейху и могут ли быть продолжены традиции немецкой культуры без принятия исторической ответственности за образ жизни, при котором был возможен Освенцим?»¹⁴ — этот вопрос мыслителя, по сути, становится одним из ключевых в рамках дискуссии.

Вообще, требует особого внимания оценка влияния на «спор историков» идей Карла Ясперса. Главным проводником позиции К. Ясперса, с учётом современных ему условий, стал Ю. Хабермас. Примечательно, что исследователями «спора исто-

риков»¹⁵, интеллектуальной элитой он воспринимается как «Praeceptor Germaniae» (Учитель Германии), точно так же, как в своё время воспринимался его предшественник К. Ясперс. И так же, как К. Ясперс, Ю. Хабермас считал необходимым открыто признать ошибки прошлого и не пытаться избавиться от ответственности за преступления нацизма. Исходя из пережитого в годы нацизма, требуется выстроить правильное понимание места Германии в мире и пути её развития, считал Ю. Хабермас.

Сам Ю. Хабермас не скрывал влияния К. Ясперса на свои идеи. В уже упоминавшейся статье «О приложении истории к общественной жизни», вышедшей в рамках «спора историков» в 1986 г., он посвятил отдельный раздел такой теме, как «Вопросы Ясперса сегодня». Философ проводит параллели между ситуацией в Германии 40-х и 80-х гг. Подчёркивая важность и огромное значение вопроса об ответственности и вине за произошедшее, Ю. Хабермас в то же время делает оговорку, что «ситуация изменилась фундаментально»¹⁶. «В то время рассматривался вопрос о разграничении личной вины преступников и коллективной ответственности тех, кому <...> не удалось что-либо сделать»¹⁷. Этот принцип 40 лет спустя не подходит для решения проблемы более поздних поколений, «которые не могут обвиняться в бездействии своих родителей и родителей их родителей»¹⁸, — пишет Ю. Хабермас.

«Существует ли ещё проблема их (т. е. современных поколений) коллективной ответственности?»¹⁹ — задаётся вопросом мыслитель. Пытаясь ответить на этот вопрос, Ю. Хабермас отмечает безусловную связь поколений, которую нельзя не учитывать в контексте развития исторического самосознания. «Наша собственная жизнь связана с таким жизненным контекстом, при котором был возможен Освенцим»²⁰, — говорит мыслитель. И это обстоятельство накладывает отпечаток на последующие поколения через «сеть семейных, местных, политических и интеллектуальных традиций»²¹.

Говоря о чувстве коллективной ответственности за преступления нацизма, которое отмечал в своей работе К. Ясперс, Ю. Хабермас приходит к выводу, что эта ответственность передаётся следующим поколениям. Развивая этот тезис, он говорит о том, что у всех немцев есть обязательство «помнить о страданиях тех, кто был убит руками немцев»²². Если жители Германии откажутся от этого наследия, то «еврейские сограждане и сыновья, дочери, внуки тех, кто был убит, почувствуют себя неспособными дышать в нашей стране»²³, — убеждён Ю. Хабермас.

«Спор историков» стал достоянием широкой общественности и в буквальном смысле взбудоражил немецкое общество, заставив задуматься о тех основаниях, на которых возможно выстраивание будущего Германии. Эта дискуссия отличалась от предыдущих академических противостояний. В результате начавшегося спора в центре внимания теперь стоял не процесс захвата власти нацистами, как это было вплоть до середины 80-х гг., и не начало Второй мировой войны, а развязывание и осуществление Холокоста. «С точки зрения науки, значение спора историков заключалось в том, что массовые убийства евреев заняли центральное место в оценке всего времени нацистской диктатуры и Второй мировой войны», — пишет историк Ульрих Херберт²⁴.

В «споре» приняли участие многие ведущие историки ФРГ. Вместе с тем, при сопоставлении с другими научными дискуссиями, посвящёнными оценке прошлого, следует признать, что «спор историков» значительно уступает в степени профессиональной проработки. Многие ключевые статьи публиковались и обсуждались в обычных газетах и журналах, при этом некоторые участники дискуссии пытались выстроить свою аргументацию не только на научно обоснованных доказательствах, но и на собственном опыте, связанном с нацизмом. В то же время, по признанию Ю. Хабермаса, этот спор являлся «по сути дискуссией о самосознании Федеративной республики»²⁵.

По свидетельству профессора Эккарда Йессе, в интеллектуальной среде утвердилось представление о том, что в результате спора Ю. Хабермас и его сторонники «осадили “правительственных историков”, которые хотели поставить под сомнение вину немцев»²⁶. Сторонники Ю. Хабермаса «до сих пор воспринимаются как победители в споре»²⁷.

Поражение в споре нанесло по репутации Э. Нольте серьёзный удар: немецкие университеты перестали его приглашать для проведения лекций, он стал почти изгоем в образовательной среде. Это было не случайно. По мнению современного американского исследователя Г. Элея, заявления Э. Нольте нарушали многие табу, связанные с вопросами истории. Фактически точка зрения Э. Нольте основывалась на стремлении освободить немцев от ответственности за преступления нацизма, который трактовался как чужеродный элемент в истории немецкого народа.

Свои коррективы в понимание значения «спора историков» внесли развал Советского Союза и объединение Германии. В 80-е гг. многими историками существование двух разделённых немецких государств воспринималось как заслуженное наказание за нацистские преступления. Однако объединение Германии не стало завершением работы с нацистским прошлым, а послужило началом нового периода, потребовавшего особого подхода к режиму Гитлера. С объединением Германии был поставлен вопрос о «двойном преодолении прошлого» (*Doppelte Vergangenheitsbewältigung*) — одновременной работе над ошибками как нацистского, так и восточно-германского режимов.

Таким образом, в общественно-политическом дискурсе ФРГ сохранилось и в результате «спора историков» укрепилось представление о коллективной ответственности за совершённые в нацистское время преступления. С определёнными оговорками эта парадигма мышления определяет отношение Германии к нацизму и до сего дня.

¹ Kühnl R. *Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik*. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987. S. 270. Далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

² Brodtkorb M. *Singuläres Auschwitz?* Adebora Verlag, 2011. S. 105.

³ Соответствующие заявления делал руководитель отдела внешней политики ведомства федерального канцлера Тельшик в своей статье в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 7 февраля 1987 г.

-
- ⁴ Ein Scherbenhaufen. Leitartikel // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 29 April.
- ⁵ *Шерпер Ю.* Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46), май–август. С. 89–109. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения: 15.02.2011).
- ⁶ *Nolte E.* Vergangenheit, die nicht vergehen will: Eine Rede, die geschrieben, aber nicht gehalten werden konnte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. 6 June. Цит. по: *Eley G.* The Past and Present Society. Nazism, Politics and the Image of the Past: Thoughts on the West German Historikerstreit 1986–1987 // Past and Present. 1988. № 121. P. 173.
- ⁷ *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. С. 118.
- ⁸ В этом письме, в частности, были такие слова: «Я хочу подтвердить со всей однозначностью заявления, которые мы с моими коллегами делали в течение последних месяцев и особенно в последнюю неделю, о том, что евреи “поддерживают Великобританию и будут сражаться на стороне демократий”».
- ⁹ Примечательно, что Дэвид Ирвинг пошёл ещё дальше: он считал, что письмо Чемберлену в какой-то степени оправдывает все злодеяния, совершённые нацистами в отношении евреев.
- ¹⁰ *Борозняк А. И.* Искупление... С. 118.
- ¹¹ *Habermas J.* The New Conservatism. Cultural Criticism and the Historian’s Debate. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 224.
- ¹² Курсив Ю. Хабермаса.
- ¹³ *Habermas J.* The New Conservatism... P. 236.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ *Kronenberg V.* Der «Historikerstreit» — 20 Jahre danach // Zeitgeschichte, Wissenschaft und Politik. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S. 113.
- ¹⁶ *Habermas J.* The New Conservatism... P. 232.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 233.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Kronenberg V.* Der «Historikerstreit» — 20 Jahre danach. S. 100.
- ²⁵ *Habermas J.* Geschichtsbewusstsein und posttraditionale Identität: Die West-Orientierung der Bundesrepublik. Цит. по: *Torpey J.* Introduction: Habermas and the Historians // New German Critique. 1988. № 44. P. 9.
- ²⁶ *Kronenberg V.* Der «Historikerstreit» — 20 Jahre danach. S. 111.
- ²⁷ Ibid. S. 112.